

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Шедевры мировой литературы (Мир книги, Литература)

Марина Цветаева
Стихотворения

«Public Domain»

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

Цветаева М. И.

Стихотворения / М. И. Цветаева — «Public Domain»,
— (Шедевры мировой литературы (Мир книги, Литература))

ISBN 978-5-486-03503-6

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941) – поэтесса трагического склада, трагической судьбы. Романтик по строю души, она не принимала «организованного насилия» поэтических школ. Отвергая любую структуру, она признавала любую стихию: природу, язык... Темперамент, бунтарский дух, принципиальная независимость, откровенная страсть, стилистическое своеобразие делают поэзию Цветаевой масштабным явлением в истории русской литературы. В этом сборнике представлены лучшие стихотворения поэтессы, написанные в разные годы.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03503-6

© Цветаева М. И.
© Public Domain

Содержание

Стихотворения	7
Маме	7
«Проснулась улица. Глядит, усталая...»	8
Мирок	9
У гробика	10
Эпитафия	11
Даме с камелиями	12
Вокзальный силуэт	13
В Париже	14
Молитва	15
Асе	16
Книги в красном переплете	17
Новолунье	18
На прощанье	19
Следующему	20
Встреча	21
Анжелика	22
От четырех до семи	23
Пасха в апреле	24
Связь через сны	25
«Не гони мою память! Лазурны края...»	26
Привет из вагона	27
«Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?...»	28
Кроме любви	29
Зимой	30
Правда	31
Еще молитва	32
Подрастающей	33
Девочка-смерть	34
Мальчик-бред	35
Под новый год	36
Гимназистка	37
Тверская	38
В пятнадцать лет	39
Барабан	40
Осень в Тарусе	41
Полночь	42
Литературным прокурорам	43
«Идешь, на меня похожий...»	44
«Моим стихам, написанным так рано...»	45
«Вы, идущие мимо меня...»	46
«Идите же! – Мой голос нем...»	47
А с е	48
Сергею Эфрон-Дурново	50
Байрону	52
«Уж сколько их упало в эту бездну...»	53

«Быть нежной, бешеной и шумной...»	55
«Ты, чьи сны еще непробудны...»	57
А л е	58
Из цикла «П. Э.»	60
«Я видела Вас три раза...»	65
Бабушке	66
Из цикла «Подруга»	67
«Уж часы – который час?...»	74
«Безумье – и благоразумье...»	75
«Мне нравится, что Вы больны не мной...»	77
«Какой-нибудь предок мой был...»	78
«Спят трещотки и псы соседовы...»	79
«В тумане, синее ладана...»	80
«В гибельном фолианте...»	81
«Цыганская страсть разлуки!...»	82
«Откуда такая нежность?...»	83
«Разлетелось в серебряные дребезги...»	84
Стихи о Москве	85
Из цикла «Бессонница»	91
Из цикла «Стихи к Блоку»	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Марина Ивановна Цветаева

Стихотворения

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии, 2010

Стихотворения

Маме

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неутомимо
(Без тебя лишь месяц в них глядел!),
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров – детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно, грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

«Проснулась улица. Глядит, усталая...»

Проснулась улица. Глядит, усталая,
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.
Покрыты инеем деревья черные,—
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.
Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые,
И черный фартучек со связкой книг.
Проснулась улица. Глядит, угрюмая,
Глазами хмурыми немых окон.
Уснуть, забыться бы с отградной думою,
Что жизнь нам грезится, а это – сон!

Март 1908

Мирок

Дети – это взгляды глазок боязливых,
Ножек шаловливых по паркету стук,
Дети – это солнце в пасмурных мотивах,
Целый мир гипотез радостных наук.

Вечный беспорядок в золоте колечек,
Ласковых словечек шепот в полусне,
Мирные картинки птичек и овечек,
Что в уютной детской дремлют на стене.

Дети – это вечер, вечер на диване,
Сквозь окно, в тумане, блески фонарей,
Мерный голос сказки о царе Салтане,
О русалках-сестрах сказочных морей.

Дети – это отдых, миг покоя краткий,
Богу у кровати трепетный обет,
Дети – это мира нежные загадки,
И в самих загадках кроется ответ!

У гробика

Екатерине Павловне Пешиковой

Мама светло разукрасила гробик.
Дремлет малютка в воскресном наряде.
Больше не рвутся на лобик
Русые пряди;

Детской головки, выдавшей так мало,
Круглая больше не давит гребенка...
Только о радостном знало
Сердце ребенка.

Век пятилетний так весело прожит:
Много проворные ручки шалили!
Грези, никто не тревожит,
Грези меж лилий...

Ищут цветы к ней поближе местечко.
(Тесно ей кажется в новой кровати.)
Знают цветы: золотое сердечко
Было у Кати!

Эпитафия

Л. А. Т.

НА ЗЕМЛЕ

– «Забилась в угол, глядишь упрямо...
Скажи, согласна? Мы ждем давно».
– «Ах, я не знаю. Оставьте, мама!
Оставьте, мама. Мне все равно!»

В ЗЕМЛЕ

– «Не тяжки ль вздохи усталой груди?
В могиле тесной всегда ль темно?»
– «Ах, я не знаю. Оставьте, люди!
Оставьте, люди! Мне все равно!»

НАД ЗЕМЛЕЙ

– «Добро любила ль, всем сердцем, страстно?
Зло – возмущало ль тебя оно?»
– «О Боже правый, со всем согласна!
Я так устала. Мне все равно!»

Даме с камелиями

Все твой путь блестящей залой зла,
Маргарита, осуждают смело.
В чем вина твоя? Грешило тело!
Душу ты – невинной сберегла.

Одному, другому, всем равно,
Всем кивала ты с усмешкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто поймет? Рука поможет чья?
Всех одно пленяет без изъятья!
Вечно ждут раскрытые объятья,
Вечно ждут: «Я жажду! Будь моя!»

День и ночь признаний лживых яд...
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорил красноречивей слова
Темный взгляд твой, мученицы взгляд.

Все тесней проклятое кольцо,
Мстит судьба богине полусветской...
Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской
Заглянул тебе, грустя, в лицо...

О любовь! Спасает мир – она!
В ней одной спасенье и защита.
Всё в любви. Спи с миром, Маргарита...
Всё в любви... Любила – спасена!

Вокзальный силуэт

Не знаю вас и не хочу
Терять, узнав, иллюзий звездных.
С таким лицом и в худших безднах
Бывают преданны лучу.

У всех, отмеченных судьбой,
Такие замкнутые лица.
Вы непрочтенная страница
И, нет, не станете рабой!

С таким лицом рабой? О, нет!
И здесь ошибки нет случайной.
Я знаю: многим будут тайной
Ваш взгляд и тонкий силуэт,

Волос тяжелое кольцо
Из-под наброшенного шарфа
(Вам шла б гитара или арфа)
И ваше бледное лицо.

Я вас не знаю. Может быть
И вы как все любезно-средни...
Пусть так! Пусть это будут бредни!
Ведь только бредней можно жить!

Быть может, день недалеко,
Я всё пойму, что неприглядно...
Но ошибаться – так отрадно!
Но ошибиться – так легко!

Слегка за шарф держась рукой,
Там, где свистки гудят с тревогой,
Я буду помнить вас – такой.

Севастополь. Пасха, 1909

В Париже

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чад у ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский.
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара – все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Париж, июнь 1909

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
– «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября 1909

Асе

Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!
Ждет тебя моря волна изумрудная,
Всплеск голубого весла,
Жить нашей жизнью подпольною, трудною
Ты не смогла.
Что же, иди, коль борьба наша мрачная
В наши ряды не зовет,
Если заманчивей влага прозрачная,
Чаяк серебристых полет!
Солнцу горячему, светлому, жаркому
Ты передай мой привет.
Ставь свой вопрос всему сильному, яркому —
Будет ответ!
Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!

Книги в красном переплете

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
– «Уж поздно!» – «Мама, десять строк!»...
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком – корона...
Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
– О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

Новолунье

Новый месяц встал над лугом,
Над росистой межей.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем – скрываю, днем – молчу.
Месяц в небе, – нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Все расскажут – твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Таруса, октябрь 1909

На прощанье

*Mein Herz trägt schwere Ketten.
Die Du mir angelegt.
Ich möcht mein Leben wetten,
Dass Keine schwerer trägt¹.*

Франкфуртская песенка
Мы оба любили, как дети,
Дразня, испытывая, играя,
Но кто-то недобрые сети
Расставил, улыбку тая —
И вот мы у пристани оба,
Не ведав желанного рая,
Но знай, что без слов и до гроба
Я сердцем пребуду – твоя.

Ты всё мне поведал – так рано!
Я всё разгадала – так поздно!
В сердцах наших вечная рана,
В глазах молчаливый вопрос,
Земная пустыня бескрайна,
Высокое небо беззвездно,
Подслушана нежная тайна,
И властен навеки мороз.

Я буду беседовать с тенью!
Мой милый, забыть нету мочи!
Твой образ недвижим под сенью
Моих опустившихся век...
Темнеет... Захлопнули ставни,
На всем приближение ночи...
Люблю тебя, призрачно-давний,
Тебя одного – и навек!

4–9 января 1910

¹ «Мое сердце в тяжелых оковах, которыми ты его опутал. Клянусь жизнью, что ни у кого нет цепей тяжелей» (нем.).

Следующему

*Quasi una fantasia*².

Нежные ласки тебе уготованы
Добрых сестричек.
Ждем тебя, ждем тебя, принц заколдованный
Песнями птичек.
Взрос ты, вспоенная солнышком веточка,
Рая явление,
Нежный как девушка, тихий как деточка,
Весь – удивленье.
Скажут не раз: «Эти сестры изменчивы
В каждом ответе!»
– С дерзким надменны мы, с робким застенчивы,
С мальчиком – дети.
Любим, как ты, мы березки, проталинки,
Таянье тучек.
Любим и сказки, о глупенький, маленький
Бабушкин внучек!
Жалобен ветер, весну вспоминающий...
В небе алмазы...
Ждем тебя, ждем тебя, жизни не знающий,
Голубоглазый!

² Сплошь фантазия (лат.).

Встреча

*...«есть встречи случайные»...
Из дорогого письма*

Гаснул вечер, как мы умиленный
Этим первым весенним теплом.
Был тревожен Арбат оживленный;
Добрый ветер с участливой лаской
Нас касался усталым крылом.
В наших душах, воспитанных сказкой,
Тихо плакала грусть о былом.

Он прошел – так неожиданно!
так спешно! —
Тот, кто прежде помог бы всему.
А вдали чередой безутешно
Фонарей лучезарные точки
Загорались сквозь легкую тьму...
Все кругом покупали цветочки;
Мы купили букетик... К чему?

В небесах фиолетово-алых
Тихо вянул неведомый сад.
Как спастись от тревог запоздалых?
Все вернулось. На миг ли? На много ль?
Мы глядели без слов на закат,
И кивал нам задумчивый Гоголь
С пьедестала, как горестный брат.

Анжелика

Темной капеллы, где плачет орган,
Близости кроткого лика!..
Счастья земного мне чужд ураган:
Я – Анжелика.

Тихое пенье звучит в унисон,
Окон неясны разводы,
Жизнью моей овладели, как сон,
Стройные своды.

Взор мой и в детстве туда ускользал,
Он городами измучен.
Скучен мне говор и блещущий зал,
Мир мне – так скучен!

Кто-то пред Девой затеплил свечу.
(Ждет исцеленья ль больная?)
Вот отчего я меж вами молчу:
Вся я – иная.

Сладостна слабость опущенных рук,
Всякая скорбь здесь легка мне.
Плющ темнолиственный обнял как друг
Старые камни;

Бело и розово, словно миндаль,
Здесь расцвела повилика...
Счастья не надо. Мне мира не жаль:
Я – Анжелика.

От четырех до семи

В сердце, как в зеркале, тень,
Скучно одной – и с людьми...
Медленно тянется день
От четырех до семи!
К людям не надо – солгут,
В сумерках каждый жесток.
Хочется плакать мне. В жгут
Пальцы скрутили платок.
Если обидишь – прощу,
Только меня не томи!
– Я бесконечно грущу
От четырех до семи.

Пасха в апреле

Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?
Травку ласкают лучи, догорая,
С улицы фраз отголоски...
Тихо брожу от крыльца до сарая,
Меряю доски.
В небе, как зарево, вешняя зорька,
Волны пасхального звона...
Вот у соседей заплакал так горько
Звук граммофона,
Вторят ему бесконечно-уныло
Взвизги гармоники с кухни...
Многое было, ах, многое было...
Прошлое, рухни!
Нет, не помогут и яйца на блюде!
Поздно... Лучи догорели...
Что безнадежней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?

Москва. Пасха, 1910

Связь через сны

Всё лишь на миг, что людьми создается,
Блекнет восторг новизны,
Но неизменной, как грусть, остается
Связь через сны.

Успокоенье... Забыть бы... Уснуть бы...
Сладость опущенных век...
Сны открывают грядущего судьбы,
Вяжут навек.

Всё мне, что бы ни думал украдкой,
Ясно, как чистый кристалл.
Нас неразрывной и вечной загадкой
Сон сочетал.

Я не молю: «О Господь, уничтожи
Муку грядущего дня!»
Нет, я молю: «О пошли ему, Боже,
Сон про меня!»

Пусть я при встрече с тобою бледнею,—
Как эти встречи грустны!
Тайна одна. Мы бессильны пред нею:
Связь через сны.

«Не гони мою память! Лазурны края...»

Не гони мою память! Лазурны края,
Где встречалось мечтание наше.
Будь правдивым: не скоро с такою, как я,
Вновь прильнешь ты к серебряной чаше.

Все не нашею волей разрушено. Пусть! —
Сладок вздох об утраченном рае!
Весь ты – майский! Тебе моя майская грусть.
Все твое, что пригрезится в мае.

Здесь не надо свиданья. Мы встретимся там,
Где на правду я правдой отвечу;
Каждый вечер по лёгким и зыбким мостам
Мы выходим друг другу навстречу.

Чуть завижу знакомый вдали силуэт,—
Бьется сердце то чаще, то реже...
Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет!
И глаза твои, грустные, те же.

Это грезы. Обоим нам ночь дорога,
Все преграды рушащая смело.
Но, проснувшись, мой друг, не гони, как врага,
Образ той, что солгать не сумела.

И когда он возникнет в вечерней тени
Под призывы бывшего напева,
Ты минувшему счастью с улыбкой кивни
И ушедшую вспомни без гнева.

Привет из вагона

Сильнее гул, как будто выше – зданья,
В последний раз колеблется вагон,
В последний раз... Мы едем... До свиданья,
Мой зимний сон!

Мой зимний сон, мой сон до слез хороший,
Я от тебя судьбой унесена.
Так суждено! Не надо мне ни ноши
В пути, ни сна.
Под шум вагона сладко верить чуду
И к дальним дням, еще туманным, плыть.
Мир так широк! Тебя в нем позабуду
Я, может быть?

Вагонный мрак как будто давит плечи,
В окно струей вливается туман...
Мой дальний друг, пойми – все эти речи
Самообман!

Что новый край? Везде борьба со скукой,
Всё тот же смех и блески тех же звезд,
И там, как здесь, мне будет сладкой мукой
Твой тихий жест.

9 июня 1910

«Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?...»

Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?
Всё друг друга зовут трепетанием блещущих крыл!
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки.
Но о помнящих душах забыл.

Каждый вечер, зажженный по воле волшебницы кроткой.
Каждый вечер, когда над горами и в сердце туман,
К забывшей душе неуверенно-робкой походкой
Приближается прежний обман.

Словно ветер, что беглым порывом минувшее будит,
Ты из блещущих строчек опять улыбаешься мне.
Всё позволено, всё! Нас дневная тоска не осудит:
Ты из сна, я во сне...

Кто-то высший нас предал неназванно-сладостной муке,
(Будет много блужданий-скитаний средь снега и тьмы!)
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки...
Не ответственные мы!

Кроме любви

Не любила, но плакала. Нет, не любила, но все же
Лишь тебе указала в тени обожаемый лик.
Было все в нашем сне на любовь не похоже:
Ни причин, ни улик.

Только нам этот образ кивнул из вечернего зала,
Только мы – ты и я – принесли ему жалобный стих.
Обожания нить нас сильнее связала,
Чем влюбленность – других.

Но порыв миновал, и приблизился ласково кто-то,
Кто молиться не мог, но любил. Осуждать не спеши!
Ты мне памятен будешь, как самая нежная нота
В пробуждении души.

В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме...
(В нашем доме, весною...) Забывшей меня не зови!
Все минуты свои я тобою наполнила, кроме
Самой грустной – любви.

Зимой

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.

Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

Правда

*Vitam impendere vero*³.

Мир утомленный вздохнул от смятений,
Розовый вечер струит забытье...
Нас разлучили не люди, а тени,
Мальчик мой, сердце мое!

Высятся стены, туманом одеты,
Солнце без сил уронило копье...
В мире вечернем мне холодно. Где ты,
Мальчик мой, сердце мое?

Ты не услышишь. Надвинулись стены,
Все потухает, сливается все...
Не было, нет и не будет замены,
Мальчик мой, сердце мое!

Москва, 27 августа 1910

³ Отдать жизнь за правду (лат.).

Еще молитва

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленьи завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не всё только тени,
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцати лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастья нет, вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдьи пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу – не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать – только тени
В тихом царстве любимых теней.

Москва, осень, 1910

Подрастающей

Опять за окнами снежок
Светло украсил ель...
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

Летят снежинки, льнут ко всем
И тают без числа...
Зачем ты, глупая, зачем
Ее переросла?

В ней не давила тяжесть дней,
В ней так легко спалось!
Теперь глаза твои темней
И золото волос...

Широкий мир твой взгляд зажег,
Но счастье даст тебе ль?
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

Девочка-смерть

Луна омывала холодный паркет
Молочной и ровной волной.
К горячей щеке прижимая букет,
Я сладко дремал под луной.

Сияньем и сном растревожен вдвойне,
Я сонные глазки открыл,
И девочка-смерть наклонилась ко мне,
Как розовый ангел без крыл.

На тоненькой шее дрожит медальон,
Румянец струится вдоль щек,
И, видно, бежала: чуть-чуть запылен
Ее голубой башмачок.

Затейлив узор золотой бахромы,
В кудрях бирюзовая нить.
«Ты – маленький мальчик, я – девочка: мы
Дорогою будем шалить.

Надень же (ты – рыцарь) мой шарф кружевной!»
Я молча ей подал букет...
Молочной и ровной, холодной волной
Луна омывала паркет.

Мальчик-бред

Алых роз и алых маков
Я принес тебе букет.
Я ни в чем не одинаков,
Я – веселый мальчик-бред.

Свечку желтую задую,—
Будет розовый фонарь.
Диадему золотую
Я надену, словно царь.

Полно, царь ли? Я волшебник,
Повелитель сонных царств,
Исцеляющий лечебник
Без пилюль и без лекарств.

Что лекарства! Что пилюли!
Будем, детка, танцевать!
Уж летит верхом на стуле
Опустевшая кровать.

Алый змей шуршит и вьется,
А откуда, – мой секрет!
Я смеюсь, и всё смеется.
Я – веселый мальчик-бред!

Под новый год

Встретим пришельца лампадкой,
Тихим и верным огнем.
Только ни вздоха украдкой,
Ни вздоха о нем!

Яркого света не надо,
Лампу совсем привернем.
Только о лучшем ни взгляда,
Ни взгляда о нем!

Пусть в треволненье беспечном
Год нам покажется днем!
Только ни мысли о вечном,
Ни мысли о нем!

Станем «сестричками» снова,
Крепче друг к другу прильнем.
Только о прошлом ни слова,
Ни слова о нем!

Гимназистка

Я сегодня всю ночь не усну
От волшебного майского гула!
Я тихонько чулки натянула
И скользнула к окну.

Я – мятежница с вихрем в крови,
Признаю только холод и страсть я.
Я читала Бурже: нету счастья
Вне любви!

«Он» отвержен с двенадцати лет,
Только Листа играет и Грига,
Он умен и начитан, как книга,
И поэт!

За один его пламенный взгляд
На колени готова упасть я!
Но родители нашего счастья
Не хотят...

Тверская

Вот и мир, где сияют витрины,
Вот Тверская, – мы вечно тоскуем о ней.
Кто для Аси нужнее Марины?
Милой Асеньки кто мне нужней?

Мы идем, оживленные, рядом,
Всё впивая: закат, фонари, голоса,
И под чьим-нибудь пристальным взглядом
Иногда опуская глаза.

Только нам огоньками сверкая,
Только наш он, московский вечерний апрель.
Взрослым – улица, нам же Тверская —
Полувзрослых сердец колыбель.

Колыбель золотого рассвета,
Удивления миру, что утром дано...
Вот окно с бриллиантами Тэта,
Вот с огнями другое окно...

Всё поймем мы чутьем или верой,
Всю подзвездную даль и небесную ширь!
Возвышаясь над площадью серой
Розовеет Страстной монастырь.

Мы идем, ни на миг не смолкая.
Все родные – слова, все родные – черты!
О, апрель незабвенный – Тверская,
Колыбель нашей юности ты!

В пятнадцать лет

Звонят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
– Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

Барабан

В майское утро качать колыбель?
Гордую шею в аркан?
Пленнице – прялка, пастушке – свирель,
Мне – барабан.

Женская доля меня не влечет:
Скуки боюсь, а не ран!
Всё мне дарует, – и власть и почет
Мой барабан.

Солнышко встало, деревья в цвету...
Сколько невиданных стран!
Всякую грусть убивай на лету,
Бей, барабан!

Быть барабанщиком! Всех впереди!
Всё остальное – обман!
Что покоряет сердца на пути,
Как барабан?

Осень в Тарусе

Ясное утро не жарко,
Лугом бежишь налегке.
Медленно тянется барка
Вниз по Оке.

Несколько слов поневоле
Всё повторяешь подряд.
Где-то бубенчики в поле
Слабо звенят.

В поле звенят? На лугу ли?
Едут ли на молотьбу?
Глазки на миг заглянули
В чью-то судьбу.

Синяя даль между сосен,
Говор и гул на гумне...
И улыбается осень
Нашей весне.

Жизнь распахнулась, но всё же...
Ах, золотые деньки!
Как далеки они, Боже!
Господи, как далеки!

Полночь

Снова стрелки обежали целый круг:
Для кого-то много счастья позади.
Подымается с мольбою столько рук!
Столько писем прижимается к груди!

Где-то кормчий наклоняется к рулю,
Кто-то бредит о короне и жезле,
Чьи-то губы прошептали: «не люблю»,
Чьи-то локоны запутались в петле.

Где-то свищут, где-то рыщут по кустам,
Где-то пленнику приснились палачи,
Где-то там, в ночи, кого-то душат, там
Зажигаются кому-то три свечи.

Там, над капищем безумья и грехов,
Собирается великая гроза,
И над томиком излюбленных стихов
Чьи-то юные печалются глаза.

Литературным прокурорам

Всё таить, чтобы люди забыли,
Как растаявший снег и свечу?
Быть в грядущем лишь горсточкой пыли
Под могильным крестом? Не хочу!

Каждый миг, содрогаясь от боли,
К одному возвращаюсь опять:
Навсегда умереть! Для того ли
Мне судьбою дано всё понять?

Вечер в детской, где с куклами сяду,
На лугу паутинную нить,
Осужденную душу по взгляду...
Всё понять и за всех пережить!

Для того я (в проявленном – сила)
Всё родное на суд отдаю,
Чтобы молодость вечно хранила
Беспокойную юность мою.

«Идешь, на меня похожий...»

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет —
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

«Моим стихам, написанным так рано...»

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Коктебель, 13 мая 1913

«Вы, идущие мимо меня...»

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам,—
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растраченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
– И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!
О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы,—
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

«Идите же! – Мой голос нем...»

Идите же! – Мой голос нем
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете – из-за других —
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла.

11 июля 1913

A c e

1

Мы быстры и наготове,
Мы остры.
В каждом жесте, в каждом взгляде,
в каждом слове.—
Две сестры.

Своенравна наша ласка
И тонка,
Мы из старого Дамаска —
Два клинка.
Прочь, гумно и бремя хлеба,
И волы!
Мы – натянутые в небо
Две стрелы!

Мы одни на рынке мира
Без греха.
Мы – из Вильяма Шекспира
Два стиха.

11 июля 1913

2

Мы – весенняя одежда
Тополей,
Мы – последняя надежда
Королей.
Мы на дне старинной чаши,
Посмотри:
В ней твоя заря, и наши
Две зари.

И прильнув устами к чаше,
Пей до дна.
И на дне увидишь наши
Имена.

Светлый взор наш смел и светел
И во зле.

– Кто из вас его не встретил
На земле?

Охраняя колыбель и мавзолей,
Мы – последнее виденье
Королей.

11 июля 1913

Сергею Эфрон-Дурново

1

Есть такие голоса,
Что смолкаешь, им не вторя,
Что предвидишь чудеса.
Есть огромные глаза
Цвета моря.

Вот он встал перед тобой:
Посмотри на лоб и брови
И сравни его с собой!
То усталость голубой,
Ветхой крови.

Торжествует синева
Каждой благородной веной.
Жест царевича и льва
Повторяют кружева
Белой пеной.

Вашего полка – драгун,
Декабристы и версальцы!
И не знаешь – так он юн —
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

Коктебель, 19 июля 1913

2

Как водоросли Ваши члены,
Как ветви мальмэзонских ив...
Так Вы лежали в брызгах пены,
Рассеянно остановив

На светло-золотистых дынях
Аквамарин и хризопраз
Сине-зеленых, серо-синих,
Всегда полузакрытых глаз.

Летели солнечные стрелы
И волны – бешеные львы.

Так Вы лежали, слишком белый
От нестерпимой синевы...

А за спиной была пустыня
И где-то станция Джанкой...
И тихо золотилась дыня
Под Вашей длинною рукой.

Так, драгоценный и спокойный,
Лежите, взглядом не дая,
Но взглянете – и вспыхнут войны,
И горы двинутся в моря,

И новые зажгутся луны,
И лягут радостные львы —
По наклоненью Вашей юной,
Великолепной головы.

1 августа 1913

Байрону

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах – очень длинных —
В волнистых волосах,
И обо всех – в аллеях и в гостиных —
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых – слишком юный —
Вы не имели времени прочесть
В те времена, когда всходили луны
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемной зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы – мне, я – Вам.

Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

Ялта, 24 сентября 1913

«Уж сколько их упало в эту бездну...»

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

– К вам всем – что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду *да* и *нет*,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне – прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

«Быть нежной, бешеной и шумной...»

Быть нежной, бешеной и шумной,
— Так жаждать жить! —
Очаровательной и умной,—
Прелестной быть!

Нежнее всех, кто есть и были,
Не знать вины...
— О возмущенье, что в могиле
Мы все равны!

Стать тем, что никому не мило,
— О, стать как лед! —
Не зная ни того, что было,
Ни что придет,

Забыть, как сердце раскололось
И вновь срослось,
Забыть свои слова и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной —
На стебельке,
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...

Как зарисовывая тучку
Издалека,
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
— Все шалости свои, все бури
И все стихи!

Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются – так надо —
– О, пожалей! —
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей —

Мои опущенные веки.
– Ни для цветка! —
Моя земля, прости навеки,
На все века.

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Феодосия. Сочельник 1913

«Ты, чьи сны еще не пробудны...»

Ты, чьи сны еще не пробудны,
Чьи движенья еще тихи,
В переулочек сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.

О, как солнечно и как звездно
Начат жизненный первый том,
Умоляю – пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!

Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом.

Этот тополь! Под ним ютятся
Наши детские вечера.
Этот тополь среди акаций
Цвета пепла и серебра.

Этот мир не возвратно-чуждый
Ты застанешь еще, спешу!
В переулочек сходи Трехпрудный,
В эту душу моей души.

<1913>

А л е

1

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной – и всем чужой.
Пленительной амазонкой,
Стремительной госпожой.

И косы свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала —
И всех молодых поэм.

И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И всё, что мне – только снится,
Ты будешь иметь у ног.

Всё будет тебе покорно,
И все при тебе – тихи.
Ты будешь, как я – бесспорно —
И лучше писать стихи...

Но будешь ли ты – кто знает —
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает
Твоя молодая мать.

5 июня 1914

2

Да, я тебя уже ревную,
Такою ревностью, такой!
Да, я тебя уже волную
Своей тоской.

Моя несчастная природа
В тебе до ужаса ясна:
В твои без месяца два года —
Ты так грустна.

Все куклы мира, все лошадки

Ты без раздумия отдашь —
За листик из моей тетрадки
И карандаш.

Ты с няньками в какой-то ссоре —
Все делать хочется самой.
И вдруг отчаянье, что «море
Ушло домой».

Не передашь тебя – как гордо
Я о тебе ни повествуй! —
Когда ты просишь: «Мама, морду
Мне поцелуй».

Ты знаешь, все во мне смеется,
Когда кому-нибудь опять
Никак тебя не удастся
Поцеловать.

Я – змей, похитивший царевну,—
Дракон! – Всем женихам – жених! —
О свет очей моих! – О ревность
Ночей моих!

6 июня 1914

Из цикла «П. Э.»

1

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Несли звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеянно, как бы без цели,
Я тихим переулком шла.
И – помнится – тихонько пели
Колокола.

Воображая Вашу позу,
Я все решала по пути:
Не надо – или надо – розу
Вам принести.

И все приготавлила фразу,
Увы, забытую потом. —
И вдруг – совсем неожиданно! – сразу! —
Тот самый дом.

Многоэтажный, с видом скуки...
Считаю окна, вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
На шее – крест.

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений.
Уже звоню.

Я помню точно рокот грома
И две руки свои, как лед.
Я называю Вас. – Он дома,
Сейчас придет.

Пусть с юностью уносят годы
Все незабвенное с собой. —
Я буду помнить все разводы
Цветных обоев.

И бисеринки абажура,
И шум каких-то голосов,

И эти виды Порт-Артура,
И стук часов.

Миг, длительный по крайней мере —
Как час. Но вот шаги вдали.
Скрип раскрывающейся двери —
И Вы вошли.

И было сразу обаянье.
Склонился, королевски-прост.—
И было страшное сиянье
Двух темных звезд.

И их, огромные, прищуря,
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря —
Еще за миг.

Я героически боролась.
— Мы с Вами даже ели суп! —
Я помню заглушенный голос
И очерк губ.

И волосы, пушистей меха,
И — самое родное в Вас! —
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.

Я помню — Вы уже забыли —
Вы — там сидели, я — вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут —

Сидеть, пуская кольца дыма,
И полный соблюдать покой...
Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой.

Вы эту помните беседу
Про климат и про букву ять.
Такому странному обеду
Уж не бывать.

Вполоборота, в полумраке
Смеюсь, сама не ожидав:
«Глаза породистой собаки,
— Прощайте, граф».

Потерянно, совсем без цели,

Я темным переулком шла.
И, кажется, уже не пели —
Колокола.

17 июня 1914

5

При жизни Вы его любили,
И в верности клялись навек,
Несите же венки из лилий
На свежий снег.

Над горестным его ночлегом
Помедлите на краткий срок,
Чтоб он под этим первым снегом
Не слишком дрог.

Дыханием души и тела
Согрейте ледяную кровь!
Но, если в Вас уже успела
Остыть любовь —

К любовнику – любите братца,
Ребенка с венчиком на лбу, —
Ему ведь не к кому прижаться
В своем гробу.

Ах, он, кого Вы так любили
И за кого пошли бы в ад,
Он в том, что он сейчас в могиле —
Не виноват!

От шороха шагов и платья
Дрожавший с головы до ног —
Как он открыл бы Вам объятья,
Когда бы мог!

О женщины! Ведь он для каждой
Был весь – безумие и пыл!
Припомните, с какою жадой
Он вас любил!

Припомните, как каждый взгляд вы
Ловили у его очей,
Припомните былые клятвы
Во тьме ночей.

Так и не будьте вероломны
У бедного его креста,
И каждая тихонько вспомни
Его уста.

И, прежде чем отдаться бегу
Саней с цыганским бубенцом,
Помедлите, к ночному снегу
Припав лицом.

Пусть нежно опушит вам щеки,
Растает каплями у глаз...
Я, пишущая эти строки,
Одна из вас —

Неданной клятвы не нарушу
— Жизнь! — Карие глаза твои! —
Молитесь, женщины, за душу
Самой Любви.

30 августа 1914

6

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы всё-таки мой.

Смеетесь! — В блаженной крылатке дорожной!
Луна высока.
Мой — так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала —
Домой.

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира Вы мертвый,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, – чую Вас всюду!
– Что ленты от Ваших венков! —
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
– Письмо в бесконечность. – Письмо
в беспредельность —
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

7

Милый друг, ушедший дальше, чем за море!
Вот Вам розы – протянитесь на них.
Милый друг, унесший самое, самое
Дорогое из сокровищ земных.

Я обманута, и я обокрадена,—
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного – навеки – лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд – поближе приглашающий сесть,
И улыбка из великого Издали,—
Умиряющего светская лесть...

Милый друг, ушедший в вечное плаванье,
– Свежий холмик меж других бугорков! —
Помолитесь обо мне в райской гавани,
Чтобы не было других моряков.

5 июня 1915

«Я видела Вас три раза...»

Я видела Вас три раза,
Но нам не остаться врозь.
– Ведь первая Ваша фраза
Мне сердце прожгла насквозь!

Мне смысл ее так же темен,
Как шум молодой листвы.
Вы – точно портрет в альбоме,—
И мне не узнать, кто Вы.

.....
Здесь всё – говорят – случайно,
И можно закрыть альбом...
О, мраморный лоб! О, тайна
За этим огромным лбом!

Послушайте, я правдива
До вызова, до тоски:
Моя золотая грива
Не знает ничьей руки.

Мой дух – не смирён никем он.
Мы – души различных каст.
И мой неподкупный демон
Мне Вас полюбить не даст.

– «Так что ж это было?» – Это
Рассудит иной Судья.
Здесь многому нет ответа,
И Вам не узнать – кто я.

13 июля 1914

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка, кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Волосы в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей – сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
– Бабушка! – Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от вас ли?..

4 сентября 1914

Из цикла «Подруга»

1

Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли!
И лучше – пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной —
Красноречив!

Я Вас люблю. – Как грозовая туча
Над Вами – грех —
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех,

За то, что мы, что наши жизни – разны
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобий,
Скажу прости,
За то, что Вас – хоть разорвись над гробом! —
Уж не спасти!

За эту дрожь, за то – что – неужели
Мне снится сон? —
За эту ироническую прелесть,
Что Вы – не он.

16 октября 1914

2

Под лаской плюшевого пледа

Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? —
Кто побежден?

Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? – Кто – добыча?
Всё дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

3

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Взгляд отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я – в тумане —
Далекая добру и злу.
Тихонько пальцем барабания
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный – этот вот,—
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес,
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

4

Вам одеваться было лень,
И было лень вставать из кресел.
— А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел.

Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
— А каждый Ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод.

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
— Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

25 октября 1914

5

Сегодня, часу в восьмом,
Стремглав по Большой Лубянке,
Как пуля, как снежный ком,
Куда-то промчались санки.

Уже прозвеневший смех...
Я так и застыла взглядом:
Волос рыжеватый мех,
И кто-то высокий — рядом!

Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой,—
Сильнее, чем я — желанной.

— Oh, je n'en puis plus, j'étouffe!⁴ —
Вы крикнули во весь голос,
Размашисто запахнув
На ней меховую полость.

Мир – весел и вечер лих!
Из муфты летят покупки...
Так мчались Вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.

И был жесточайший бунт,
И снег осыпался бело.
Я около двух секунд —
Не более – вслед глядела.

И гладила длинный ворс
На шубке своей – без гнева.
Ваш маленький Кай замерз,
О Снежная Королева.

26 октября 1914

8

Свободно шея поднята,
Как молодой побег.
Кто скажет имя, кто – лета,
Кто – край ее, кто – век?

Извилина неярких губ
Капризна и слаба,
Но ослепителен уступ
Бетховенского лба.

До умиленности чист
Истаявший овал.
Рука, к которой шел бы хлыст,
И – в серебре – опал.

Рука, достойная смычка,
Ушедшая в шелка,
Неповторимая рука,
Прекрасная рука.

10 января 1915

⁴ О, я больше не могу, я задыхаюсь! (фр.)

9

Ты проходишь своей дорогою,
И руки твоей я не трогаю.
Но тоска во мне – слишком вечная,
Чтоб была ты мне – первой встречною.

Сердце сразу сказало: «Милая!»
Всё тебе – наугад – простила я,
Ничего не зная, – даже имени! —
О, люби меня, о, люби меня!

Вижу я по губам – извилиной,
По надменности их усиленной,
По тяжелым надбровным выступам:
Это сердце берется – приступом!

Платье – шелковым черным панцирем,
Голос с чуть хрипотцой цыганскою,
Всё в тебе мне до боли нравится,—
Даже то, что ты не красавица!

Красота, не увянешь за лето!
Не цветок – стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого
Увезенный – с какого острова?

Опахалом чудишь иль тросточкой,—
В каждой жилке и в каждой косточке,
В форме каждого злого пальчика,—
Нежность женщины, дерзость мальчика.

Все усмешки стихом парируя,
Открываю тебе и миру я
Всё, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена!

14 января 1915

11

Все глаза под солнцем – жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:

Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно ни клялась, —

Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвести,
Никогда ни в чью сторонку
Глазом не повесть...

Видишь крестик кипарисный?
— Он тебе знаком —
Все проснется — только свистни
Под моим окном.

22 февраля 1915

13

Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои

И глаза — кого-кого-то
Взглядом не дарят! —
Требующие отчета
За случайный взгляд.

Всю тебя с твоей треклятой
Страстью — видит Бог! —
Требующую расплаты
За случайный вздох.

И еще скажу устало,
— Слушать не спеши! —
Что твоя душа мне встала
Поперек души.

И еще тебе скажу я:
— Все равно — канун! —
Этот рот до поцелуя
Твоего был юн.

Взгляд — до взгляда — смел и светел,
Сердце — лет пяти...
Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути.

28 апреля 1915

15

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны...
– Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

3 мая 1915

17

Вспомните: всех голов мне дороже
Волосок один с моей головы.
И идите себе... – Вы тоже,
И Вы тоже, и Вы.

Разлюбите меня, все разлюбите!
Стерегите не меня поутру!
Чтоб могла я спокойно выйти
Постоять на ветру.

6 мая 1915

«Уж часы – который час?...»

Уж часы – который час? —
Прозвенели.
Впадины огромных глаз,
Платья струйчатый атлас...
Еле-еле вижу Вас,
Еле-еле.

У соседнего крыльца
Свет погашен.
Где-то любят без конца...
Очерк Вашего лица
Очень страшен.

В комнате полутемно,
Ночь – едина.
Лунным светом пронзено,
Углубленное окно —
Словно льдина.

– Вы сдались? – звучит вопрос.
– Не боролась.
Голос от луны замерз.
Голос – словно за сто верст
Этот голос!

Лунный луч меж нами встал,
Миром движа.
Нестерпимо заблистал
Бешеных волос металл
Темно-рыжий.
Бег истории забыт
В лунном беге.
Зеркало луну дробит.
Отдаленный звон копыт,
Скрип телеги.

Уличный фонарь потух,
Бег – уменьшен.
Скоро пропоет петух
Расставание для двух
Юных женщин.

1 ноября 1914

«Безумье – и благоразумье...»

Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,
Все, что наводит на раздумье,
Все слишком есть —

Во мне. – Все каторжные страсти
Свились в одну! —
Так в волосах моих – все масти
Ведут войну!

Я знаю весь любовный шепот,
– Ах, наизусть! —
Мой двадцатидвухлетний опыт —
Сплошная грусть!

Но облик мой – невинно розов,
– Что ни скажи! —
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.

В ней, запускаемой как мячик
– Ловимый вновь! —
Моих прабабушек-полячек
Сказалась кровь.

Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растет,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метет...

От скрипки – от автомобиля —
Шелков, огня...
От пытки, что не все любили
Одну меня!

От боли, что не я – невеста
У жениха...
От жеста и стиха – для жеста
И для стиха!

От нежного боа на шее...
И как могу
Не лгать, – раз голос мой нежнее,—
Когда я лгу...

3 января 1915

«Мне нравится, что Вы больны не мной...»

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас над головами,
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами.

3 мая 1915

«Какой-нибудь предок мой был...»

Какой-нибудь предок мой был —
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром!

Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей – абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый.

Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ – шиповник.
Плохой товарищ он был, – лихой
И ласковый был любовник!

Любитель трубки, луны и бус,
И всех молодых соседок...
Еще мне думается, что – трус
Был мой желтоглазый предок.

Что, душу чёрту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем!
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем.

Что не однажды из-за угла
Он прыгал – как кошка – гибкий...
И почему-то я поняла,
Что он – *не* играл на скрипке!

И было всё ему нипочем, —
Как снег прошлогодний – летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала – таким поэтом.

23 июня 1915

«Спят трещотки и псы соседовы...»

Спят трещотки и псы соседовы,—
Ни повозок, ни голосов.
О, возлюбленный, не выводывай,
Для чего развожу засов.

Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов — и зорких птиц,
Заговорщиков час — и юношей,
Час любовников и убийц.

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
И браслетами не звеня.

Уж с домами дома расходятся,
И на площади спор и пляс...
Здесь, у маленькой Богородицы,
Вся Кордова в любви клялась.

У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локона,
Шелест шелка вокруг колен...
О, возлюбленный, — видишь, вот она —
Отравительница! — Кармен.

5 августа 1915

«В тумане, синее ладана...»

В тумане, синее ладана
Панели – как серебро.
Навстречу летит нежданно
Развеянное перо.

И вот уже взгляды скрещены,
И дрогнул – о чем моля? —
Мой голос с певучей трещиной
Богемского хрусталя.

Мгновенье тоски и вызова,
Движенье, как длинный крик,
И в волны тумана сизого,
Окунутый легкий лик.

Все длилось одно мгновение:
Отчалила... уплыла...
Соперница! – Я не менее
Прекрасной тебя ждала.

5 сентября 1915

«В гибельном фолианте...»

В гибельном фолианте
Нету соблазна для
Женщины. – Ars Amandi⁵
Женщине – вся земля.

Сердце – любовных зелий
Зелье – вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.

Ах, далеко до неба!
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!

29 сентября 1915

⁵ Искусство любви (лат.).

«Цыганская страсть разлуки!...»

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь – уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки,
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

«Откуда такая нежность?...»

Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
– Откуда такая нежность? —
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие гимны
Я слушала ночью темной,
Венчаемая – о нежность! —
На самой груди певца.

Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?

18 февраля 1916

«Разлетелось в серебряные дребезги...»

Разлетелось в серебряные дребезги
Зеркало, и в нем – взгляд.
Лебеди мои, лебеди
Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало
Мне прямо на грудь – перо.
Я сегодня во сне рассыпала
Мелкое серебро.

Серебряный клич – звонок.
Серебряно мне – петь!
Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь
Ни матери, ни сродникам.
Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.

1 марта 1916

Стихи о Москве

1

Облака – вокруг,
Купола – вокруг,
Надо всей Москвой
Сколько хватит рук! —
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое
Невесомое!

В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой – мне
Будет радостно,—
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом говей,
Не сурьми бровей
И все сорок – чти —
Сороков церквей.

Исходи пешком —
молодым шажком! —
Все привольное
Семихолмие.

Будет твой черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же вольный сон,
колокольный звон,
Зори ранние —
На Ваганькове.

31 марта 1916

2

Из рук моих – нерукотворный град

Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По церковке – все сорок сороков,
И реющих над ними голубков.

И Спасские – с цветами – ворота,
Где шапка православного снята.

Часовню звездную – приют от зол —
Где вытертый от поцелуев – пол.

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
Бессонные взгрямят колокола,

И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...
Ты не раскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

3

Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночи страшен
Рев молодых солдат!

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рев зверский!
Дерзкая – ох – кровь!

Мой рот разгарчив,
Даром, что свят – вид.
Как золотой ларчик
Иверская горит.

Ты озорство прикончи,
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой нонче

Не было – как хочу.

31 марта 1916

4

Настанет день – печальный, говорят!
Отцарствуют, отплачут, отгорят,
– Остужены чужими пятаками —
Мои глаза, подвижные как пламя.
И – двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит лик.
О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали – завижу ли и Вас? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о, живые,
Я ничего не возражу – впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску,
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду – я, и побредете – вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет,—
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.

11 апреля 1916

1-й день Пасхи

5

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибор

Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

6

Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогой,—

Калужской – песенной – прекрасной, и она
Смывает и смывает имена
Смиранных странников, во тьме поющих Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской,—

Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.

Троицын день 1916

7

Семь холмов – как семь колоколов!
На семи колоколах – колокольни.
Всех счетом – сорок сороков.
Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,

Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.

Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!

8 июля 1916. Казанская

8

– Москва! – Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем нож.
Издалека-далече
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болезнь —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть,

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит,—
Там Иверское сердце
Червонное горит.

И льется аллилужа
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

8 июля 1916. Казанская

9

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни

Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доньне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

Из цикла «Бессонница»

1

Обвела мне глаза кольцом
Теневым – бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

То-то же! По ночам
Не молись – идолам!
Я твою тайну выдала,
Идолопоклонница.

Мало – тебе – дня,
Солнечного огня!

Пару моих колец
Носи, бледноликая!
Кликала – и накликала
Теневой венец.

Мало – меня – звала?
Мало – со мной – спала?

Ляжешь, легка лицом.
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:
– Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.
Чтобы – спалось – легче,
Буду – тебе – певчим:

– Спи, подруженька
Неугомонная!
Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная.

И кому ни писали писем,
И кому с тобой ни клялись мы...
Спи себе.

Вот и разлучены

Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки.
Вот ты и отмучилась,
Милая мученица.

Сон – свят,
Все – спят.
Венец – снят.

8 апреля 1916

3

В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь,—
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.

Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.

Огни – как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.

17 июля 1916
Москва

4

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, – ничьим.
В медленных жилах еще занывают стрелы —
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга – в каждом случайном звуке,

И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, – и от темной ночи
Только одно темнеет у нас – глаза.

19 июля 1916

6

Сегодня ночью я одна в ночи —
Бессонная, бездомная черница! —
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь.
– О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой! —
Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воющую землю!

Вздымаются не волосы – а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех, —
Кого жалеют и кого целуют.

1 августа 1916

10

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч —
Ты, окно в ночи!
Может – сотни свеч,
Может – три свечи...
Нет и нет уму
Моему – покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

23 декабря 1916

Из цикла «Стихи к Блоку»

1

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно-единственное движение губ,
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое – ах, нельзя! —
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим – сон глубок.

15 апреля 1916

2

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

Во мгле сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.

То не ветер
Гонит меня по городу,
Ох, уж третий
Вечер я чую врага.

Голубоглазый

Меня сглазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне под ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Так по перьям,
Иду к двери,
За которой – смерть.

Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом —
Зовет.
Милый призрак!

Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпся!
Аминь.

1 мая 1916

3

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель замечает след.

Мимо окон моих – бесстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.

Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое,
Поцелую вечерний снег.—

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий – святая славы —
Вседержитель моей души.

2 мая 1916

4

Зверю – берлога,
Страннику – дорога,
Мертвому – дроги.
Каждому – свое.

Женщине – лукавить,
Царю – править,
Мне – славить
Имя твое.

2 мая 1916

5

У меня в Москве – купола горят!
У меня в Москве – колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят,—
В них царицы спят и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится – чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе – до зари!

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,

Всей бессонницей я тебе внемлю —
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...

Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря – зари.

7 мая 1916

6

Думали – человек!
И умереть заставили.
Умер теперь, навек. —
– Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, лицемерные.

Шли от него лучи —
Жаркие струны по́ снегу!
Три восковых свечи —
Солнцу-то! Светоносному!

О поглядите, как
Веки ввалились темные!
О поглядите, как
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Крестятся руки праздные...
– Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

9 мая 1916

9

Как слабый луч сквозь черный морок адов —
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.

И вот в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим, —

Откуда-то из древних утр туманных —
Как нас любил, слепых и безымянных,

За синий плащ, за вероломства – грех...
И как нежнее всех – ту, глубже всех

В ночь канувшую – на дела лихие!
И как *не* разлюбил тебя, Россия.

И вдоль виска – потерянным перстом
Все водит, водит... И еще о том,

Какие дни нас ждут, как Бог обманет,
Как станешь солнце звать – и как *не* встанет...

Так, узником с собой наедине
(Или ребенок говорит во сне?),

Предстало нам – всей площади широкой! —
Святое сердце Александра Блока.

9 мая 1920

10

Вот он – гляди – уставший от чужбин,
Вождь без дружин.

Вот – горстью пьет из горной быстрины —
Князь без страны.

Там всё ему: и княжество, и рать,
И хлеб, и мать.

Красно твое наследие, – владей,
Друг без друзей!

15 августа 1921

12

Други его – не тревожьте его!
Слуги его – не тревожьте его!
Было так ясно на лице его:
Царство мое не от мира сего.

Вещие вьюги кружили вдоль жил,—
Плечи сутулые гнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекшийся пыл —
Лебедем душу свою упустил!

Падай же, падай же, тяжелая медь!
Крылья извели право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь! —
Знают, что этого нет – умереть!

Зори пьют, море пьет – в полную сыть
Бражничают. – Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть! —
Хлеба достанет его накормить!

15 августа 1921

14

Не проломанное ребро —
Переломленное крыло.

Не расстрельщиками навывлет
Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!
Что усопшему – трепет черни,

Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,

Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.

Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.

Между 15 и 25 августа 1921

15

Без зова, без слова,—
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова

Пришел, – в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?

«Покамест не продан!»
Лишь с ревностью этой в уме
Великим обходом
Пойду по российской земле.

Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот-его-рана,
Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь?

Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а тёрном —
Чепца острозубая тень.

Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!
– И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?!

Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?

А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром – труды.
Как в землю положен,
Быть может, – проспий до трубы.

Огромную впалость
Висков твоих – вижу опять.

Такую усталость —
Ее и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

22 ноября 1921

16

Как сонный, как пьяный,
Врасплох, не готовясь.
Височные ямы:
Бессонная совесть.

Пустые глазницы:
Мертво и светло.
Сновидца, всевидца
Пустое стекло.

Не ты ли
Ее шелестящей хламиды
Не вынес —
Обратным ущельем Аида?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.